

щие, что большинство российских евреев уедет, но среди оставшихся некоторые «будут продолжать "чувствовать себя" евреями» (с. 287). В переходной группе мнения о перспективах евреев в России близки, в общем, к изложенным выше. В "еврейской" группе преобладает убеждение, что "большая часть российских евреев уедет из страны, но та часть, которая останется, ассимилируется не полностью" (с. 291–292).

В "Заклчении" Е. Носенко подводит итоги своего исследования. Потомки смешанных браков, констатирует она, за небольшим исключением, в этнокультурном отношении не отличаются от окружающих их русских. Е. Носенко полагает, что нет оснований рассматривать российских евреев как особую субэтническую группу ("русские евреи") в составе русского этноса (как это предлагает в ряде публикаций Н.В. Юхнева). Достаточно скептически относится Е. Носенко и к утверждению проф. А.Ю. Милитарева, что в последние полтора десятилетия потомки смешанных браков (и даже "квартироны") в России все более идентифицируют себя с еврейством (процесс "реассимиляции"), и что данный процесс даже компенсирует демографические потери: это трудно проверить, и, главное, еще вопрос, долговечна ли такая самоидентификация у "реассимилянтов". Е. Носенко не разделяет оптимизм тех исследователей, которые связывают надежды на возрождение российского еврейства с потомками смешанных браков: "их этническая самоидентификация крайне размыта, зависит от ряда внешних и внутренних факторов и имеет тенденцию к дальнейшей эрозии" (с. 312).

При всем при том, отмечает автор книги, большинство респондентов (в различной степени и в разных формах) соотносит себя с еврейским народом, ощущает и осознает свою причастность к нему: "Такая самоидентификация формируется на основе различных факторов, значимость которых может варьировать у представителей разных групп опрошенных. Но, пожалуй, самый устойчивый из этих признаков – историческая память".

Внимание многих читателей привлечет, думаю, раздел "Приложение", содержащий ряд интервью автора с респондентами.

Рассматриваемая работа ценна не только своим конкретным материалом, авторскими характеристиками и выводами в связи с ним. По всему тексту разбросана масса интересных замечаний и размышлений, нередко выходящих за рамки той конкретной темы, которая является предметом исследования Е. Носенко.

Хорошо, точно сказала во время одного из обсуждений этой монографии Н.М. Лебедева: "Это – умная и честная книга".

Монография Е. Носенко – первый серьезный, масштабный опыт исследования этничности, этнического самосознания, самооценки своей этнокультурной принадлежности у потомков еврейско-русских (и еврейско-"иных") смешанных браков. Опыт оказался удачным и интересным в большой мере потому, что в авторе гармонично соединились высококвалифицированный этнограф, умный и тактичный этносociолог и этнопсихолог, широко мыслящий и "глубоко копающий" (позволю себе употребить такой эпитет) ученый в принципе. Работа написана строгим и точным языком, нередко эмоционально (в меру) окрашенным.

Российская и мировая иудаика после выхода этой книги стала богаче, содержательней.

ЭО, 2006 г., № 3

© И.Ю. Заринов. Рец. на: *Э.Л. Нитобург. Русские в США. История и судьбы. 1870–1970. Этноисторический очерк.* М.: Наука, 2005.

Существуют темы настолько неисчерпаемые, что любой, кто к ним приступает, обречен на трудность. Это в полной мере понимал известный отечественный историк-этнограф, автор более 20 монографий Э.Л. Нитобург, когда работал над рецензируемой монографией. Не случайно уже во введении автор подчеркивает, что "многоаспектность настоящей монографии о русских в

США и слабая разработанность некоторых затронутых в ней проблем наряду с недоступностью зачастую необходимого для исследования американского материала обязывает автора рассматривать свою работу лишь как первую попытку, своего рода начальный этап подобного комплексного исследования" (с. 8).

Читателя поражает прежде всего та масса разнохарактерного (исторического, этнографического, социологического, мемуарного и др.) материала, на котором основана книга. Однако эти столь разнородные сведения выстроены автором в строгой последовательности, сообразно избранной им архитектонике книги.

Объектом исследования стали не выдающиеся представители русской иммиграции в США, что присутствовало в прежних книгах о ней и что, по мнению Э.Л. Нитобурга, вполне объяснимо, ибо «послереволюционная волна российской эмиграции была самой "урожайной" на знаменитости, ...а история адаптации и жизни, характера деятельности и образа мыслей десятков и сотен тысяч рядовых иммигрантов и их потомков, которые, по существу, и означали понятие "российское/русское зарубежье"» (с. 6).

Рецензируемая книга действительно имеет заметное этноисторическое содержание, что отличает ее от всей предшествующей литературы по русской иммиграции в Америке, которой в том же введении дается скрупулезная характеристика. В частности, замечен интерес автора к проблеме дифференциации русских. В рассуждениях на эту тему не все, по-моему, согласуется с современным состоянием теории отечественной этнологии, исследовательская парадигма которой медленно, но верно сдвигается в сторону социальной/культурной антропологии. Однако вывод о том, что в понятие "русский", когда речь заходит об эмигрантах из России, включено множество нерусских составляющих, представляется весьма продуктивным. Для подтверждения этого Э.Л. Нитобург приводит несколько примеров определения понятий "русский" и "русскость" у некоторых представителей русской интеллигенции.

Резюмируя эти примеры, автор разводит понятия "русский" и "россиянин", неправильно отождествляемые некоторыми из зарубежных авторов. Такое отождествление "не раз приводило (в том числе в статистике) к недоразумениям и путанице при ознакомлении с публикациями как отдельных американских авторов-популяризаторов и журналистов, так и некоторых использовавших их информацию отечественных авторов" (с. 13). С точки зрения автора, русскими следует считать "всех тех носителей русского языка и культурных традиций, которые – как на родине, так и вне ее – сами считают себя русскими" (с. 14).

Для доказательства этого постулата Э.Л. Нитобург рассматривает русско-американский феномен последовательно, в контексте сменяющих друг друга трех массовых иммигрантских волн, каждая из которых создает неповторимый образ "русского мира" в другой стране: дореволюционной (имперской) и двух послереволюционных (советских). Новизна такого деления русской эмиграции в Америку состоит в том, что многие прежде ее исследователи предпочитали не замечать дореволюционного исхода, в связи с чем «подавляющее большинство публикаций о русском зарубежье было посвящено той послереволюционной "белой" эмиграции, которую ныне неправомерно (хотя почти единогласно) стали именовать первой волной русской эмиграции» (с. 6).

Восполняя этот пробел, Э.Л. Нитобург посвящает первую часть книги исходу русских из Российской империи в той исторической последовательности, которая обнаруживается на основе имеющихся документов. До массовой эмиграции русских в США конца XIX – начала XX в. там оказались и группы русских казаков, достигших берегов Тихого океана в середине XVII в. и находившихся там вплоть до продажи Аляски в 1867 г. Интересен в этой связи и тот факт, что "выходцы из России появились в XVIII в. в Северной Америке не только с Запада, но и с Востока. Уже в 1760 г. на территории будущего штата Нью-Джерси появились русские поселенцы" (с. 19); их численность была весьма незначительна, как, впрочем, и в первой половине XIX в., однако "судя по разным публикациям, к началу 70-х годов XIX в. маленькие группы русских иммигрантов уже имелись в Нью-Йорке и Бостоне, а русская колония в Сан-Франциско насчитывала не один десяток семей" (с. 21).

Весьма любопытной представляется авторская констатация следующего обстоятельства: после того как американская иммиграционная статистика стала квалифицировать въехавших в

США не только по подданству и стране выезда, но и по национальности (читай – этнической принадлежности), «постепенно был опровергнут господствовавший долгое время в России взгляд о том, что российская эмиграция практически состоит из "инородцев", а коренное русское население якобы вообще не эмигрировало» (с. 27). В контексте современных националистических заявлений в Белоруссии и на Украине о раннем, чуть ли не с XVI–XVII вв., появлении чувства "белорусскости" и "украинскости" знаменательным является и утверждение о том, что эмигрировавшие в 1913 г. на пароходе "Курск" "белорусы и некоторые украинцы, не имея в то время отчетливого этнического самосознания, считали и называли себя русскими" (с. 29). На размытую форму этнического самосознания эмигрантов из Российской империи обращали внимание многие исследователи, в том числе и изучавшие польскую иммиграцию в Новом Свете (Заринов 1998, Brożek 1985), и именно в диаспорном состоянии наиболее отчетливо проявляется российский феномен исторически заданной полиэтничности. Выехавшие из России часто квалифицируются как русские, о чем свидетельствуют количественные данные, встречающиеся в различных иммиграционных периодических изданиях¹. Этим "грешат" и официальные статистические материалы, поскольку они опираются на сведения, полученные из анкетных опросов весьма субъективного свойства².

Важным является и рассмотрение эмиграции, в основе которой лежало притеснение представителей нетрадиционных религиозных конфессий. Самой ранней из них, по анализируемым в книге источникам, была эмиграция немцев-меннонитов, появившихся в нескольких американских штатах в 1873–1883 гг. Но те же источники свидетельствуют, что "религиозному остракизму в Российской империи подвергались не только представители этнических меньшинств, но и отколовшиеся от официальной православной церкви великорусы, малорусы, белорусы" (с. 34). Это были духоборы, молокане, штундисты и даже перешедшие из православия в иудаизм субботники. Российские иммигранты отличались друг от друга и по социальному статусу: "Если у еврейских и польских иммигрантов из России имеется средний класс, то остальные состоят из рабочего класса. Отсутствует буржуазия и очень мало интеллигентных сил. Особенно это верно относительно коренной русской колонии" (с. 72).

Таким образом, первая российская иммиграционная волна в США подготовила этнокультурный плацдарм для следующих волн, имевших, правда, иной характер. Известно, что это было бегство, спровоцированное сначала Октябрьской революцией и Гражданской, а затем Второй мировой войнами, и автор рецензируемой книги абсолютно точно квалифицирует участников этих двух исходов как "беженцев".

Среди материалов, касающихся демографического состояния русской диаспоры конца 1920-х годов, весьма любопытным документом является перепись 1930 г., в ходе которой, среди прочих, "русскими" себя назвали (выделено мною. – И.З.) 3 тыс. украинцев-штундистов Северной Дакоты и около 40 тыс. выходцев из Австрии, Венгрии, Польши и Чехословакии (с. 109). Таким образом, этническая самоидентичность во многом является волонтаристическим актом, построенным часто на случайном социальном базисе, что делает ее величиной исключительно субъективной и поэтому слабо поддающейся научному анализу. Зато весьма объективным фактором любого диаспорного образования является его стремление к созданию своих собственных "малых родин", и русские в Америке, как свидетельствуют материалы монографии, не были исключением. «Так в крупных городах вырастали уже возникшие и появлялись своего рода "маленькие России"» (с. 113). Ослабление этой тенденции со временем обусловлено интеграцией части русской диаспоры, что, по мнению автора, в условиях США было сделать легче, поскольку русских там, в отличие от европейских стран, «не рассматривали как "беженцев" со своим особым статусом, а даже поощряли – особенно в Нью-Йорке – натурализоваться» (с. 131).

Новым этапом в развитии русской диаспоры в Америке стала эмиграция граждан СССР в качестве *"displaced persons"* (перемещенных лиц), или "ди пи", как их стали называть по первым буквам этого словосочетания на английском языке после окончания Второй мировой войны. Важной особенностью этой новой иммиграции стало ее территориальное размещение. При том, что более половины новоприбывших обосновались в районах традиционного проживания "русских американцев" – в штатах Северо-Востока, Северного Центра и Запада – значительное число расселилось "по всей стране – от северо-восточного побережья Атлантического океана до Тихоокеанско-

го побережья на Западе и Мексиканского залива на юго-востоке" (с. 188). Что же представляли из себя эти и другие, более ранние, представители русской иммиграции? Автор приводит потрясающие заметки известной русской писательницы Н.Н. Берберовой относительно основных проблем русской диаспоры в США, особенно ее представителей из стана "ди пи": "у одних была потребность брать все, что можно, от этого мира, в других же была стена, отделявшая их от него. Они привезли сюда свой собственный лично-семейный, складной и портативный нержавеющий железный занавес и повесили его между собой и западным миром" (с. 191).

Среди "ди пи" особенно популярными были организации политического толка. По словам одного из их представителей М. Назарова, «послевоенная волна русских иммигрантов, "отбор" в которую был проведен наиболее жестокими репрессиями власти над народом, представила все слои, имевшиеся к началу войны. Это был сколок общества уже советизированного, обезглавленного, но наиболее ожесточенного после репрессий, наиболее непримиримого к режиму» (с. 211). Тема эта, однако, требует особого и более детального разговора, выходящего за рамки данной рецензии.

Наиболее насыщена этнографическим материалом последняя часть монографии – "Интеграция или ассимиляция?", где автор анализирует те русские социокультурные институты в США, которые этим процессам способствуют. К ним он вполне справедливо относит Русскую православную церковь, включая русское старообрядчество и сектанство, русскоязычную прессу, русские городские общины (почему-то отсутствует русская школа – важный диаспорный институт). Венцом книги являются главы, посвященные проблемам превращения русских в американцев и русского вклада в науку, технику и культуру США. Поскольку они содержат ряд дискуссионных положений, есть смысл высказать несколько соображений в их адрес.

Вызывает сомнение сама постановка вопроса, в котором разделяются как целевые установки интеграция и ассимиляция – процессы взаимосвязанные и являющиеся вместе с адаптацией лишь этапами вхождения иммигрантов в новую социокультурную среду. Они скорее представляют собой части общесоциального процесса перехода из одного состояния в другое с обязательной и неперменной составляющей – аккультурацией. Последнюю вряд ли стоит квалифицировать как исключительно культурную ассимиляцию, ибо она начинает действовать с момента попадания иммигранта в страну-реципиент, когда до общесоциальной, в том числе и этнокультурной ассимиляции еще слишком далеко.

Трудно согласиться с утверждением, что язык есть отражение культуры (с. 345). Он скорее – ее неотъемлемая часть, и бытующее в этнографии разделение языка и культуры – прием весьма условный, направленный лишь на указание различных функций языка и других этнических маркеров. Последнее замечание вызвано заключительной фразой книги, в которой автор совершенно верно не видит чего-то особенного в будущей судьбе русских в США в сравнении с другими европейскими диаспорами (с. 382). Вот только ограничивать это будущее "полной этнической ассимиляцией" не вполне верно. Ассимиляция охватывает не только этническую, но и другие составляющие социальной жизни. Некоторые западные социологи насчитывают до десятка различных видов ассимиляции: от этнокультурной до структурной. Что же касается первой, то она, "понимаемая более широко, в противоположность однонаправленному процессу уподобления меньшинства большинству, не должна исключать культурного плюрализма" (Założenia 1980: 97).

В заключении нельзя не сказать о том, что в рецензируемой монографии наряду со скрупулезным анализом громадного фактологического материала мы видим еще личную позицию автора, глубоко заинтересованного событиями столетнего присутствия русских в Соединенных Штатах Америки.

Примечания

¹ Знакомясь с несколькими самостоятельными (иногда рукописными) "газетками" польской общины г. Денвера, я встречал в них среди эмигрировавших из Поволжской России тех, кто имел типично немецкие фамилии, но идентифицировался поляками в качестве русских.

² Стоит заметить, что нынешняя тенденция определения этнической принадлежности исключительно по самоидентификации опрашиваемого не научна, ибо страдает однобокостью. Субъек-

тивная этническая идентичность должна быть подкреплена объективными показателями, т.е. языковой и культурной принадлежностью к данной группе, и самое главное – актом признания причастности самоидентифицируемого к данной этнической общности со стороны других ее представителей.

Литература

Заринов 1998 – Заринов И.Ю. Путь длиннее века. М., 1998.

Brożek 1985 – Brożek A. Polish Americans. 1854–1939. W-wa, 1985.

Założenia 1980 – Założenia teorii asymilacji. Kraków, 1980.